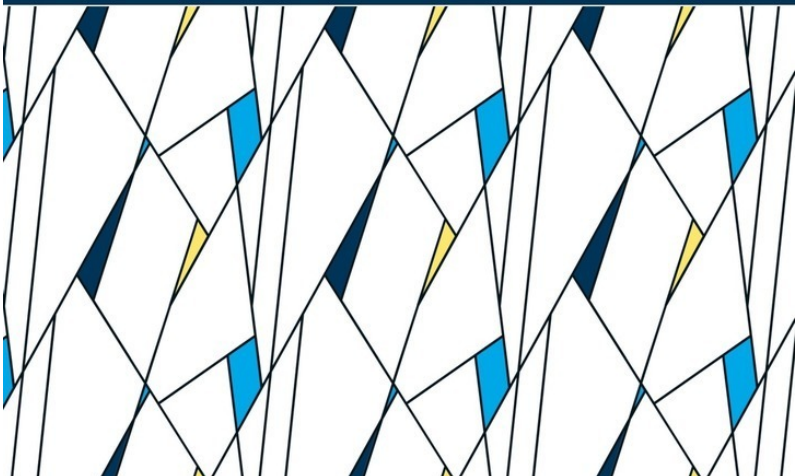
Николай Синяков

Записки «Пиджака»

Воспоминания о Тоцком



Николай Александрович Синяков
Записки «Пиджака». Воспоминания о Тоцком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607344
ISBN 9785449038883

Аннотация

Книга написана офицером запаса, проходившим срочную службу в Тоцком гарнизоне в должности командира взвода в 2005—2007 г. Содержит биографические моменты из жизни автора, воспоминания о самых знаковых моментах службы. Автор делится уроками, которые преподает армия. Преподносит свой взгляд на причины таких явлений, как национализм, деморализация военных и их дальнейший духовный слом. Открывает решения этих проблем. Сквозь весь текст даёт напутствие для молодых военных и объясняет плюсы службы.

Содержание

Содержание 5
Вступление 7
Кафедра 10
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Записки «Пиджака» Воспоминания о Тоцком

Николай Александрович Синяков

© Николай Александрович Синяков, 2018

ISBN 978-5-4490-3888-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

1. Вступление……
2. Кафедра……
3. Сборы……
4. Защита диплома……
5. Аспирантура……
6. Проводы……
7. Самара……
8. Прибытие……
9. Первые дни…… 15
10. Первый артиллерийский дивизион……..17
11. Офицеры артиллерийского дивизиона……19

12. Третья гаубично-самоходная батарея……..22
13. Гавриков……
14. Вторая гаубично-самоходная батарея……25
15. Служба одного пиджака……
16. Казань……
17. КМБ……
18. Общежитие……
19. Национальности в армии……
20. Актаев……
21. Выездной караул в Екатеринбург……43
22. Выездной караул в Чапаевск……
23. Демобилизация……

Вступление

Пройдя службу в армии, в первые моменты думал, что больше не буду ее вспоминать. Слишком много грязи и несправедливости в ней было, жалел об упущенном времени. В принципе, так и вышло, мысли о ней постепенно сменились мыслями о делах настоящего времени. Но люди, с которыми в ней удалось столкнуться, хотел я того или нет, так или иначе повлияли на мое мировоззрение, формирование моей личности.

Спустя много-много лет, будучи в отпуске, я получил сообщение от своего замкомвзвода, Ягудина Рафхата, с кем редкие разы поддерживал связь. В сообщении была ссылка на солдата взвода управления моего дивизиона, с кем я проходил вместе часть срока своей службы. Глава называлась «Замполит». Я сразу понял о ком она. Один из немногих офицеров полка, который четко врезался в мою помять. Мне же он запомнился тем, что это эталон несгибаемого человека, способного идти против толпы. Четко придерживающегося своего мнения. Благодаря его авторитету особо распоясавшиеся солдаты хоть как то уважительно относились к званию офицер и не вдавались в беспредел в отношениях с другими солдатами. Именно его идеей было отделить на КМБ парней славянской национальности от солдат с северного кавказа, чтобы хоть как то сгладить первые впечат-

ления о службе в первые дни пребывания в армии неподготовленных ребят. Этот поступок говорит о том, что ему было не безразлично моральный дух тех парней, которые только прибыли в Тоцкое.

В тот момент, когда я читал воспоминания солдата о службе в хорошо известном мне месте, я незаметно для себя погрузился в ностальгию и перенесся с комфортного домика на берегу Волги, где гостил у сестры, в тот мир камуфляжа, военной техники, множества лиц парней от 18 до 24, грозных старших офицеров, море асфальта на плацу и оренбургских степей.

То были теплые воспоминания, не зря говорят, что плохое забывается, остается только хорошее. Сразу же стало интересно, что еще в этой книге будет. К тому же тайно я уже давно задумывался написать что-то автобиографическое, поскольку мне очень нравится этот литературный жанр. Связавшись с Михаилом Музалевским, выразил ему благодарность за творчество и проявил интерес к написанию книги. К моему удивлению, Михаил оказался человеком, очень творческим, об этом говорила информация из социальных сетей, в которых он делился моментами с съемок своего фильма, так же исполнением песен. В общении с ним так же чувствовалось грамотность и не безразличие к тому, что вокруг него происходит, к памяти тех событий, что он описывает в своем творчестве. Удивительно, в армии система добивается однообразия и создания серой массы живой силы,

готовая к выполнению поставленных задач. На самом деле все мы индивидуальны и если давать ход человеческому развитию, то ему нет предела. Михаил Музалевский любезно предложил мне принять участие в написании его книги, чему я был несказанно рад. Ту часть книги, которую предстояло мне заполнить, предварительно назвали «Записки Пиджака».

Думаю, в своих воспоминаниях еще вернусь к п/п-ку Зайцеву, с которого начал. Сейчас же хочу начать с самого начала. Мысли об армии впервые меня посетили в школе, в 14 лет, когда с школ всех ребят с класса пригласили в военкомат за приписным. Вручение этого документа означало, что теперь мы на учете в военкомате. На тот момент мне было безразлично это, поскольку понимал, что до службы еще далеко.

Кафедра

Первым близким мне человеком, который отправился в армию, по-моему, был мой школьный товарищ Удовик Женя. По иронии судьбы служить он попал в танковый полк в том же самом поселке Тоцкое, куда мне предстояло только отправиться спустя четыре года. Из его писем с службы, я впервые познакомился с тем произволом, что там творится. Запомнился один фрагмент его письма, где он описывал как парню его призыва, который отказался стирать носки за другим солдатом, были нанесены физические увечья. Для меня человека, который находился в тепле и рядом с материнской заботой, было уму не постижимо, что еще приходилось испытывать парням вдали от дома. Были в тех письмах и примеры отличных офицеров, командира его роты. Из описания этого командира у меня сложилось впечатление человека, который занимается личным составом. Участвует с ними в пробежках, показывая на своем примере хорошую физическую подготовку и то, как она важна для прохождения службы в армии, а так же за ее пределами.

Пока мой школьный товарищ уже во всю мерил шагами плац воинской части, я еще продолжал во всю учиться, теперь уже в институте. Для парней в Тольяттинском государственном университете была создана военная кафедра, учреждение, где первые три года обучения в университе-

те раз в неделю, а именно по понедельникам, из студентов мы превращались в курсантов. Военная кафедра по подготовке офицеров запаса артиллеристов. То есть, по сути мы должны пройти обучение, получить корочки офицера запаса и на этом наше знакомство с армией должно закончиться. Желающих так поступить было немало.

Чтобы понять качество подготовки офицеров на военной кафедре того времени, попробую описать то, с чем мы сталкивались каждый понедельник. Все три года мы ходили по гражданской форме одежды. То есть в том, в чем ходили в любой другой день в институт, а точнее джинсы, кроссовки и свитер. Занятия проходили с восьми утра до пяти вечера. Обучалось три курса по два взвода в каждом. Итого шесть взводов. До занятий все шесть взводов по гражданке в кроссовках проходили маршем перед начальником военной кафедры. Зрелище то конечно было, наверное, очень веселым. Потому что тому самому маршу я научился только уже будучи в армии. На военной кафедре мы им ходили, но не помню особо, чтобы кто то занимался нами там строевой, поэтому можете представить его качество и качество шага. После этого «марша» взводами мы расходились по кабинетам и уже согласно расписанию с нами проводили занятия. По стрельбе и управлению огнем, тактике, устройству артиллерийского вооружения. Честно сказать, мало кто из курсантов-студентов что понимал, поскольку все стрельбы были на бумаге при помощи прибора управлением огнем, а занятие огне-

вой позиции представляло расположением наших тел в лесу за военной кафедрой. В целом за три года я усвоил только что такое прибор управления огнем и буссоль. То есть я мог отличить эти два прибора от других, а вот пользоваться как ими это уже был большой вопрос. Иногда нам давали шинели и зимние шапки, чтобы катать артиллерийские пушки по плацу, имитируя занятие огневой позиции, как я уже потом понял. В эти моменты многие доставали заранее подготовленные фотоаппараты и принимались делать веселые фото. Нашего веселья еще добавляли выражения офицеров – преподавателей, людей, которые долгое время были командирами в войсках и уже на пенсии, пришедших в кафедру, чтобы доносить до нас теорию военной науки. Так часто, получав ответ на свой простой вопрос, старый майор с глазами на выкате кричал на курсанта – «да ты, б…ь, Энштейн!» Если же ответ его не устраивал он мог по отцовски сказать – «Ну что, Шипилов, тупые удары в голову не проходят даром, да?» Все это доставляло нам веселья.

Где то к середине курса у нас сменился начальник военной кафедры. Старый ушел на пенсию. И на его место пришел молодой полковник с горячей точки. Строгий, волевой, шутки его уже были более колючими и жесткими, не как у тех старых офицеров. Честно сказать, он с первых дней решил изменить качество обучения. В конечном счете через несколько лет ему это удалось. Курсанты уже подписывали контракт на дальнейшее прохождение службы, ходили

строго по форме. Но наш выпуск так и получился по старинке расслабленный. Единственное, что наш выпуск при нем был первым за десять лет после развала советского союза, который по завершению обучения поехал на военные сборы в действующие войска в Тоцкое. Это как закрепление того курса обучения, что мы прошли за три года. И по сей день каждый выпуск по истечению обучения едет на военные сборы.

Нам предстояло жить июль месяц 2002 года в палатках, носить военную форму, ходить в наряды, жить по распорядку, заниматься обучением и как итог, провести стрельбы и принять присягу.

Сборы

Воспоминания о сборах начинаются у меня на подъезде к станции Бузулук. Наш отдельный вагон коротко стриженных парней 18—19 лет, начавших употребление алкоголя еще с пункта отправления – станции Самары. С нами для сопровождения всего два майора военной кафедры, близкие по кондиции с подопечными им курсантами. Ситуация явно выходила из под чьего либо контроля. В мне всю жизнь присутствует повышенный инстинкт самосохранения, чувство ответственности, редкие моменты он пропадает. Может это у каждого человека так заложено в программе жизнеобеспечения, не знаю. В общем, в начале пути мне было весело,

и я не отказывался поднимать наравне с своими товарищами пластиковые стаканы с спиртным. Но чем ближе наш вагон приближался к конечному пункту, тем больше он начинал напоминать что то безумное. Я даже выбросил бутылку водки парней в окно, на что выловил неободрительный гул среди товарищей, благо в некоторых из них я был уверен и поэтому мой поступок не имел продолжения для меня. Но все равно вакханалию уже было нельзя остановить. Я лишь могу перечислить несколько моментов, которые сохранила моя память. Так, например, еле стоящий на ногах майор с решением отобрать водку у одного из курсантов, курсант же предлагает ему разбить эту бутылку о его голову. Потом откуда не возьмись девушки в коротких юбках на наших коленях. Звуки гитары, все это в дыму сигарет, потому что естественно о том, чтобы выйти в тамбур и покурить никто и слышать не хотел.

Итак, в таком порядке, или скорее в его полном отсутствии, мы прибыли на станцию Тоцкое. Было уже далеко за полночь. Выйдя из вагона, мы построились перед зданием вокзала на небольшой площадке. Перед нами два тентованных камаза и незнакомые нам офицеры, которые явно отличались поведением от тех майоров, которые сопровождали нас. В-первых, они все были трезвые. В-вторых, они были на порядок агрессивнее наших и не скупились на мат. Каждый раз, когда главный среди принимающих нас офицеров, кричал на нас, вместе с его словами в нашу сторону летела

в большом количестве и его слюна. Вы только представьте четыре взвода по 20 человек, впервые оказавшись перед таким вот выступлением. Ночь. Действие алкоголя еще не прошло. Тут за моей спиной, мой друг Санек Белов, начинает на распев зачитывать текст песни «Дискотеки Аварии» – Давай Авария… Бешенству принимающего офицера не было предела. Он взял меня, а не моего товарища за грудь, и вытащил из строя с диким ором – «В карцер его!». С каждым моментом наше пребывание в Тоцком становилось все веселее. После команды «по машинам» парни с моего взвода, проходя мимо меня, «ожидающего» помещения в карцер и не обращающего на их призывы идти с ними, просто затащили внутрь строя. А ведь мне было обидно, я больше всех боролся с тем бардаком в поезде, а меня в карцер!

Дальше была встреча нашего балагана уже непосредственно на месте расположения лагеря. С каждым разом нам давали понять, что мы, действительно, в армии и с нами уже не будут церемониться. Так, после высадки с Камазов, нас снова построили и указав на палатки с указанием взвода, отправили спать по команде отбой. Всем 20 человекам было не реально расположиться на нарах, поэтому я с одним парнем взяли какой-то щит и, положив на него матрас, легли на полу. Тут же в палатке установился ор и гогот. Никто спать и не собирался. Через непродолжительное время нашего такого поведения к нам в палатку залетел кусок дерна с словами прапорщика, что следующее, что залетит, если не за-

кроем рты, будет лимонка. Сейчас я понимаю, что офицеров в любом случае инструктировали, что мы не солдаты и вести себя с нами так, как с солдатами ни в коем случае нельзя. Нам же тогда казалось, что мы прям в настоящей армии и испытываем все тяготы службы.

Каждое утро начиналось с пробежки. Я сначала ее ненавидел. Бегать в сапогах было не привычно. Плюс по утрам было достаточно прохладно, а бежать нужно было по голому торсу. Первая пробежка была показательной и поэтому с нами бежали прапорщики и майоры. В конце пути была обожженная башня танка. Расстояние от лагеря до башни 1,5 км, в итоге расстояние пробежки было 3 км. Я с спортом не дружил до армии, поэтому ощущения после пробежки были мне в новинку. Это бодрость. И мне начинало это нравиться. Последующие пробежки парни обычно выбегали за лагерь и останавливались. Я, в числе не многих, так и бегал каждое утро до башни танка и обратно. Наверное, с тех пор у меня начал проявляться интерес к спорту. Я так и бегаю два-три раза в неделю по 3—5 км до настоящего времени. И не собираюсь на этом останавливаться. Мне, по прежнему, нравится подтянутость тела и те ясные мысли, которые приходят в время и после бега. Мысли чистые и ясные от того, что мозг хорошо снабжается кислородом, который доставляет интенсивно циркулирующая кровь.

Обучение теории проходило почти так же как и на военной кафедре. Видно, теория была не интересна даже нашим

преподавателям. И мы в основном, просто сидели в условных помещениях и ждали окончания занятий. Некоторым из нас посчастливилось поучаствовать в стрельбах из артиллерийского оружия. То были буксируемые артиллерийские пушки с вкладными стволами. Об этом я узнал, уже проходя службу в армии. Тогда же знания были на уровне просто пушки. Я же, как и большинство других курсантов, за сборы отстрелял по магазину патронов из пистолета ПМ и автомата АК.

Питание было сносным. Так солдаты взвода обеспечения, которые были приписаны для обслуживания нашего лагеря, просто были на седьмом небе от нашей кухни. Нам же все казалось не сладким и не вкусным, и мы однажды устроили демарш, отказавшись от приема пищи. Дураки – по другому, я нас, тех молодых, зеленных и гонористых не назову.

Раз в неделю, не могу вспомнить в какой конкретно день недели, нас возили в солдатскую баню. Почему ее так называют, мне до сих пор не понятно. Солдатская баня это просто душ, в котором не всегда есть горячая вода. С посещением бани связано одно из ярких воспоминаний о наших сборах. Для тех, кто служил в Тоцком, это та самая баня, которая почти напротив 506 мсп, куда я в будущем много раз водил солдат с артиллерийского дивизиона на помывку. Так вот, прежде чем помыться, мы ожидали своей очередности. С нами постоянно два три офицера. Как позже выяснилось, не зря. Часть курсантов, которые натерли ноги

в сапогах, могла ходить в кроссовках. У большинства на руках были часы, у многих цепочки. Все это белое и сверкающее не могло не стать приманкой для старослужащих солдат и солдат кавказской национальности. Тогда я еще не знал через забор какого полка перепрыгнуло человек десять двенадцать и направилось в нашу сторону. Честно сказать, не знаю на что они рассчитывали. Ведь они шли к своим ровесникам, приехавшим с одного города, которые были не только знакомы между собой, а состояли в дружественных отношениях не первый год, кто то даже с школы. Мы не были запуганы и на нас они никак не могли повлиять в будущем. Подойдя к дереву, под которым, прячась от солнца и ожидая, когда запустят в баню, стоял наш взвод, охотники за блестящим и белым, начали с акцентом интересоваться кто и откуда. По ответу нашему солдатам стало понятно, что мы из Тольятти и будущие «шакалы», как они выразились. Дальше был какой то вопрос о кроссовках, на что солдатам был дан ответ уже в более грубой форме. Точно не помню диалога. Помню только, что где то рядом вылетела нога одного из курсантов, потом вторая, третья и началась своего рода мясорубка из ног. Руки в ход не успели пойти. Была своего рода стена с движущейся границей противоборствующихся. К этой границе быстро подскочили офицеры, и действуя жестко, отодвинули солдат, к которым уже на помощь стали подходить другие солдаты, из тех подразделений, которые выходили с помывки или наравне с нами ждали своей оче-

реди. Похоже, в лагере людей перед входом в баню уже было разделение по форме одежды, а не по целям этой стычки. Мы в своей чистой зеленой в перемешку с гражданской одеждой были чужими среди серой затертой пропитанной пылью формой солдат. Чтобы избежать эксколации конфликта, нас быстро провели в помывочную, а после так же организованно вывели из нее и, посадив в борты камазов, быстро увезли. В дальнейшем нас старались возить в баню, когда там не было других солдат. В общем, к нам там было очень бережное отношение и старались избегать наших контактов с солдатами срочной службы.

В поле, где мы жили, не было ни телевизоров, ни радио. Сотовых тогда у нас ни у кого не было. Из музыки мы слышали игру на гитаре двух или трех бойцов. Один из них мой товарищ с школы, с кем я продолжал учиться в институте и на кафедре, Серега Шипилов. В время игры на гитаре, я словно пронизывался ею. Ведь ничего другого яркого вокруг не было. Были такие же, как и ты, парни. Природа. Никаких других звуков. Игра на гитаре казалось чем-то божественным, а тот, кто на ней играл и пел – чем то вроде бога. Естественно, из девушек мы видели только женщину, которая приезжала и брала пробу с полевой кухни по утрам. В городок нас вывозили только в солдатскую баню. Поэтому когда перед присягой, в конце сборов, нас привезли к почте, к телефонам, чтобы позвонить родным. Я получил еще один момент, который запомнился на долгие годы. Это, в время ожи-

дания своей очереди, нам разрешили купить по мороженному и присесть напротив торговой точки, где продавали кассеты с музыкой. Продавщицей была молодая девушка, может наша ровесница, с белыми волосами. Из колонок играл хит того времени – «Мама, я полюбила бандита…» Вот надо же было мне запомнить эту песню не имеющего никакого смысла. Тогда у меня готовы были пойти слезы. Все казалось таким ярким и наполненным смыслом. Это ощущение знакомо всем кто был долго чего-то лишен. После этого человек может радоваться малому.

Итак наступил день присяги. Текст ее и то, как ее принимал, абсолютно не помню, к своему стыду. Считаю, что это событие знаковое для тех людей, каких на самом деле мало. Людей, предрасположенных к службе в армии, отличающихся глубоким патриотизмом. Все это было таким далеким для целого поколения, рожденных в около 80-е годы. Ведь государственные мужи, которые сменили один строй на другой, позабыв о морали, делали акцент на рынке и отношениях внутри него. Делали они это с целью не улучшить качество уровня жизни населения, а повысить размер личного капитала. Мы все это впитывали с экранов телевизоров через модные сериалы про ментов и бандитов, в школе через одноклассников, в институте через одногруппников, чьи родители были начинающие предприниматели или участники организованных групп, которые контролировали этих предпринимателей. Мы мечтали не о том, как покорить космос,

участвовать в экспедициях, достигать высоких спортивных результатов и уж тем более не о службе в армии. Пределами наших мечтаний были автомобили, недвижимость, дорогая одежда, качественный отдых. Из нас получились хорошие потребители. Это большая проблема, которая еще долгое время будет эхом отзываться государству за брошенные поколения девчонок и ребят.

В общем, с принятием присяги я стал понимать только одно, что теперь по закону я еще могу ответить за военные преступления. Никаких других эмоций больше этот факт у меня не породил.

После присяги, на следующий или через день за курсантами можно было приезжать родителям и забирать их домой. Тех же за кем никто не приехал, отправляли поездом снова в наш город Тольятти. Так вот и закончились наши сборы.

Я благодарен тем офицерам и прапорщикам, которые показали нам часть армии, берегли нас от того, с чем мы могли столкнуться. Подарили новые до того незнакомые эмоции. И за то терпение, которые они проявили, к нам.

По возвращении домой, я сначала эмоционально делился с близкими и родными своим первым знакомством с армией. Но с истечением времени круговорот событий снова заставил о ней позабыть. Вспомнить же о ней снова пришлось через два года, в времена защиты диплома. В июне 2004.

Защита диплома

Начиная с пятого курса института, я устроился на работу на предприятие, где уже четверть века работала моя мама. Пора уже было зарабатывать на жизнь самостоятельно. Работал по сменам и поэтому была возможность закончить институт и подойти к защите диплома. Поскольку я обучался на кафедре сварочного производства, то и темы дипломов были связаны с новыми видами сварки и усовершенствованными узлами к сварочным аппаратам. Как бы там ни было, на дипломе мы занимались тем, чему не было суждено воплотиться в что то реальное. Почему так? Да, потому что основным местом, где мы и могли внедрить наши работы, было сварочное производство АвтоВаза или его предприятия-поставщики. Но там просто чинили старое оборудование. И о том, чтобы вложиться в работу студента никто и слышать не хотел. Да мы и не пытались донести наши идеи до кого то. Нам был нужен диплом, ведь нам всегда твердили, что получите диплом, а дальше живите как хотите. Лично я, так и не понял, для чего мне был он нужен. И от этого немного грустно.

Я выбрал ту тему, в которой не надо было чертить. Ее протащила наша преподавательница по системе управления качества. Она же была дочерью одного из вазовских генералов и одновременно директором организации, которая занималась внедрением новых международных стандартов качества системы ISO на производства автогиганта. Этого требовало время совместных предприятий, которые только начина-

ли открываться. Это альянсы GM-Автоваз, а так же Renault-Nissan-Автоваз. В зарубежных комаиях уже были разработаны и внедрены указанные выше стандарты качества. И для сотрудничества с ними необходимо было, чтобы и на нашем предприятии была внедрена идентичная западным компаниям система контроля качества. По сути, организация моего дипломного руководителя получила не случайным образом заказ от одного из крупнейшего предприятия России на внедрение менеджмента качества. Идея хорошая, качество автомобилей отечественного производства давно уже стала отдельной темой для анекдотов. Но на деле, все выглядело иначе. Получалось так, что разработкой и внедрением европейских гостов занимались люди, которые были далеки от японской философии качества, где и зародилось все то бережливое отношение к производству, которое и предполагалось внедрить на Вазе. Был заказ, срок его исполнения и деньги, которые необходимо было освоить. Для этого брали старые методички по культуре производства, переписывали их и под видом новых модных слов представляли как европейские стандарты качества, разработанные и уже внедренные в производство.

Мой диплом состоял из множества незнакомых для комиссии выражений типа как «Рыбий скелет», «just in time» и др. Все это сопровождалось диаграммами и графиками, схемами в цвете. Преподаватели не понимающе смотрели на то, что я защищал перед ними. Все таки они были все

выпускниками советского образования и то, что о чем я им рассказывал, было им мало знакомым. А следовательно и вопросов по моей работе почти ни у кого не возникло. Так прошла моя защита.

После защиты нам раздали обходный лист, где помимо библиотеки, кафедры, лабораторий стояла еще и военная кафедра, где нам было необходимо поставить подпись. Подписанный обходной лист мы меняли на свои дипломы. Какое же была наше удивление, когда на военной кафедре, вместе с подписью нам дали повестку в военкомат. Ребятам, которые пошли с этой повесткой в военкомат, дали направление куда и к какому числу прибыть на службу в офицерском звании лейтенант.

Такого поворота никто не ожидал. Мы были в растерянности, это никак не входило в мои планы. Я занимался сбором средств для приобретения квартиры для своего старшего брата. Поскольку считал, что он старше меня и ему пора уже создавать свою семью. А тут, не спросив, меня хотят призвать к исполнению долга. Вопрос долга тогда у меня вызывал негодование. По-моему, все было так, что государство нам ни в чем не помогало. Лично моей семье. Хотя, сейчас глядя назад более спокойным взглядом, я в чем то соглашусь, что на самом деле это и был долг, который надо было отдать родине. Мой отец умер от рака тогда, когда мне было 2 года, а брату 4. Государство до 18 лет платило нам пусть и небольшую, но пенсию по потере кормильца. Об-

разование хоть и было бестолковым, но мы его получили. В детском саду и в школе с нас не собирали, как сейчас с моих племянниц, ежегодные финансовые поборы. Смысл мне был понятен, что государство при помощи моей матери вырастило бойцов и сейчас мне необходимо прибыть в армию для выполнения воинского долга. Но только я никак не мог успокоиться, почему меня то об этом не спросили. Удобно мне это или нет сейчас.

Посчитав, что государство не право сейчас. Я решил воспользоваться отсрочкой, которую давала аспирантура. Поступить на нее я легко мог на коммерческой основе. Решено – сделано. В военкомате подполковник с удивлением посмотрел на приказ о моем зачислении в аспирантуру и выдал военный билет с пометкой «Офицер запаса». Это означало, что если у меня не станет отсрочки, я все же пойду служить в армию и так до окончания призывного возраста. И так как с вручением диплома о высшем образовании я получил так же звание офицера, мой призывной возраст увеличивался до 30 лет. В тот момент мне было 21 год. И уже тогда я понял, что скорее просто отсрочил свою службу в армии, а не избежал ее полностью.

Аспирантура

Продолжая работать на своем предприятии, я приступил к учебе в аспирантуре. Не хочу останавливаться на своем на-

учном руководителе, он, как и все преподаватели, моего института застрял где то далеко в прошлом и мое мышление никак не пересекалось с его. Помню только фамилию Курягян. Большой грузный мужчина лет 50 с невероятно большими пальцами на руках, таким же огромным носом, который был в оппозиции с ученным советом всего института. По моему, его когда то где то обделили вниманием и он застрял в обиде, не часто выходя из своего кабинета. Тут появился у него аспирант, то есть я, чему он был несказанно рад. Из разговоров с ним я понял, чтобы защитить кандидатскую диссертацию, надо заниматься увеличением плотности дуги сварочного тока. Добиться этого он предлагал путем нанесения на поверхность металлов определенных химических веществ. Это позволяло увеличить глубину провара при уменьшении ширины сварочного шва. Как я понял, этим он занимался сам будучи еще аспирантом, теперь в мне он увидел продолжателя своего дела. Поскольку я пришел в науку совершенно неготовый и без своих идей, я быстро с ним согласился. Раз уже я оказался в аспирантуре, я решил попробовать что из этого может получиться. И в свободное время приезжал в институт, стараясь изучить весь материал по теме, а так же изучая возможность проведения практических опытов.

Именно для опыта по моей просьбе на предприятии, где я работал, изготовили из меди заготовку, которая состояла из двух частей изолированных друг от друга, но при этом

соединенных между собой. За определенную плату один мастер изготовил трансформатор необходимого значения тока и возможностью его регулирования. Используя знакомство с преподавателями на кафедре, я соорудил что то похожее на сварочный автомат с вольфрамовым электродом. Через пару месяцев после начала обучения в аспирантуре, то есть в ноябре у меня все было готово для первого опыта. Я пригласил своего научного руководителя. Тот был воодушевлен моим рвением, забывая о том, что его надо поддерживать. Он же сказал, что пока не стоит торопится, не взглянув даже на труды моего старания. Я же стремился к результату быстрее, у нас с ним были разные системы мышления, он жил в время, когда результат добивался годами и это было нормально, я же уже был ближе к той системе, которая быстро подстраивалась под изменения. Дети реформ, можно нас и так назвать.

Опыт состоялся без участия моего научного руководителя. Я сделал фото дуги, для чего тоже пришлось постараться, так как не каждый фотоаппарат может сделать фото разряда на близком расстоянии. Полученные результаты, я сначала осмотрел самостоятельно. И увидел. что дуга прерывается, а не собирается в кучу, как предполагалось. С этими не утешительными результатами, я направился к своему научному руководителю. Где он так же с улыбкой глядя на меня, сказал, что тут надо другой ток, а следовательно другой трансформатор. Добавить возможность изменения скорости пере-

мещения дуги. Говорил он это с легкостью, не задумываясь о том, что мне один только опыт влетел уже в копеечку. Я попробовал еще один проект уже с другим преподавателем, по усовершенствованию колпачков для контактной сварки. Так же за свой счет изготовил разного типа колпачки из различных материалов и провел опыты. Результат показал, что мой научный руководитель двигался не в том направлении. Наука в нашем институте остановилась в начале 90-х, после этого министерство образования области, кроме косметического ремонта, в институт ничего не вкладывало и я так понял, что аспирантам необходимо было за свой счет двигать науку вперед. Такой расклад меня не устраивал совсем. Поскольку без любви к делу я и бесплатно не буду им заниматься, а тут за свои деньги проводить никому не нужные опыты и видеть ухмылку псевдо ученных. Поэтому после того, как заплатив в январе за второй семестр обучения в аспирантуре и подарив себе тем самым еще полгода отсрочки от армии, я решил там не появляться больше.

К апрелю 2005 года меня все чаще посещали мысли об армии, что лучше раньше пойти и вернуться и уже жить жизнью после армии, не отвлекаясь на нее. К тому времени я, мама и брат собрали средства необходимые для первоначального взноса для приобретения однокомнатной квартиры моему брату. То есть одна из задач, из за которой я не ушел в армии сразу же после вручения диплома, была решена. Мысли об армии меня настроили на тот факт, что служить на-

до и решение пойти в военкомат росло с каждым днем. Парни, с кем я учился и которые направились служить после института, в основной массе уехали служить в Таджикистан. Служба в средней Азии не особо меня вдохновляла. Но решение было принято, и в конце апреля я отправился в военкомат. Военком с улыбкой встретил мое желание пойти в армию. Не помню деталей разговора, помню что он только светился прям от того, что одним призывником офицером у него больше. Решили с ним, что через пять дней, 5 мая мне следует явиться в штаб армии в Самаре, а оттуда уже меня направят в воинскую часть, где мне предстоит служить. Моя мама была как то горда такой уверенности и готовности к службе у сына. А что мне не служить, думал я, офицером все таки. Брат же старший, который пришел с армии двумя годами ранее, как то с грустью на меня посмотрел.

Но все, меня уже было не остановить, я сразу же направился в институт положил под большой нос моего удивленного руководителя заявление об отчислении с аспирантуры. Попрощался с институтом и направился на место своей работы. Там мои коллеги были удивлены моему решению, ведь у меня была отсрочка, а я ее променял на службу в армии. Поскольку у меня была повестка с военкомата, то уволили меня за один день без обязательной отработки в две недели. Начальник цеха дал напутствующие слова, вспомнив о том, что первый опыт руководителя получил именно в армии. И то, что это пойдет мне только на пользу. Я же поблагодарив его,

вышел от него и уже не думал о работе. Впереди меня что то новое и не известное. Что оно несет для меня и моего будущего, мне предстояло только выяснить.

Проводы

До всего этого меня ждали только проводы и последние дела в быту перед отъездом в часть дислокации на следующие два года. Проводы проходили у нас на квартире. Состав провожающих стандартный это друзья, брат, кто-то из них с подружками. Но было не много народу. Еще я пригласил маминых подруг. Дело в том, что моя мама по национальности татарка. И у нее со времен того, как она по направлению техникума приехала в Тольятти с Казани на предприятие, где и я уже начал к этому времени трудиться, были три подруги татарки. И они уже больше двадцати пяти лет на момент моих проводов были вместе, благо и сейчас продолжают сохранять те же близкие отношения. Так вот, я на одном из праздничных мероприятий услышал как они поют татарские песни, меня это поразило. Во первых через национальную музыку есть связь с своими предками и традициями. Я будучи на половину только татарином, отец мой был русский, и живя в России, разговаривая на русском, наверное нуждался иногда в этой связи и поддержке своих предков. Особенно перед тем, как жизнь столкнет меня с чем то новым. Мама с своими подругами прекрасно справились с своей задачей, все они вложили частицу себя в то исполнение. Спасибо вам

большое. Я помню и по сей день. Удивлению и восторгу моих друзей не было предела. Дальше пошла по столу бутылка водки с подписями и пожеланиями, которую по идее надо было выпить по моему возвращению домой. В будущем же, я так этого и не сделал. И обошелся с ней как то совсем без почтения. Если не отдал рабочим узбекам на строительства дачи либо дома, то значит она ушла в процесс изготовления настойки из винограда Изабелла. После застолья мы молодежью переместились на набережную Волги, от которой мы жили 5 минут ходу, там встретили еще своих знакомых. Кто-то из них был на машине, узнав о моих проводах, бассов, проносящихся над волнами Волги, от рядом стоящих в основном вазовских машин, прибавилось. Мы же дружно и весело вливали в свои тела жигулевское пиво. Мне было весело и легко. Я отрывался и прощался с своими близкими. Своей компанией мы проводили закат и с наступлением темного времени суток, темнота также стала заполнять меня внутри. Я не мог бесконечно веселиться на своих проводах и постепенно заряд силы заканчивался в мне. Я уже не помню в какой момент он меня покинул окончательно. С мной были надежные мне люди и я ни о чем не волновался, поэтому следующим что я помню это было доброе утро у себя в комнате. Я как будто по новому смотрел на стены в своей спальне, на небо за окном. Становилось все меньше времени разделяющим меня и армию. Вот и проводы прошли. Завтра уже мне ехать в Самару в штаб армии за направлением в часть.

Съездив днем с братом и положив на счет деньги для его квартиры, я завершил все свои дела и был готов к отправке. Оставалось собрать с собой вещи. Поскольку стояла уже теплая погода мая, а впереди было лето, решил ехать налегке. С собой взять тапочки для прогулки, тапки для общежития, спортивную обувь, туфли, шорты, джинсы, нижнее белье, носки, водолазку, несколько футболок, мыльно рыльные принадлежности, упаковку лекарств, ветровку, паспорт и деньги. Остальное по мере необходимости мне подвезут мои родные, подумал я. Днем мой друг, Виктор Исоев, подвез мне сотовый телефон в подарок. Это был мой первый сотовый в жизни. Сименс с очень слабой батарейкой. Хватало только на сутки, но для связи с родными он мне был необходим. До этого я не видел в нем нужды, ведь до этого поколения жили без него, и мне было тяжело все как-то решиться на приобретения этого устройства. Так в последних сборах прошел еще один день.

Самара

И вот наступило утро 5 мая 2005 года. Не забуду эту дату, наверное, никогда. Солнечный день, с каждым днем все теплее. Скоро лето. А я спешу с спортивной сумкой на автовокзал Тольятти, с которого поеду в Самару. Там меня должен встретить родной дядя на автомобиле и доставить в штаб армии. Из провожающих с мной самый близкий каж-

дого человека это мама. Сказав на прощание ей, что не солдатом еду служить, не переживай, я отправился в столицу нашей области. Мой дядя, младший брат отца, дядя Федя, был и есть мелкий предприниматель, бизнес его связан с автозапчастями к вазовским машинам. Все-таки Тольятти под боком, у нас многие этим живут. Так вот, у него есть двое сыновей, мои двоюродные братья, возрастом чуть младше меня, которых может он лично и не был против отправить служить. На мой взгляд, кому то из них это было даже на пользу. Слишком финансово они зависели от своих родителей. Однако его жена, тетя Лена, как хищница встала на защиту своих детей и вопрос с армией у них был решен окончательно и бесповоротно. Поэтому весь тот отцовский наказ про армию достался мне, выслушивать его пришлось всю дорогу от автовокзала Самары до штаба армии. Я лишь кивал и говорил – да, дядь Федя. Мы еще оба не знали, куда меня отправят служить. Доехав к площади Куйбышева, дядя указав, на большое серое здание с колонами, сказал, что это штаб армии. Я направился к нему, быстро поднявшись по ступенькам, спросил у дежурного, куда мне молодому офицеру идти за направлением. Тот направил меня в один из кабинетов этого большого здания. В нем меня встретил в возрасте полковник и взглянув на мои документы, сказал, что есть два варианта где служить. П. Звездный и п. Тоцкое. Звездный я не знал где такой, в Кировской области может. «Тоцкое!» – подумал я. Я много раз его проезжал на поезде и на машине.

Рядом с Тоцкое трасса, по которой часто ездят мои родные. А главное рядом с Тоцким Курманаевский район, откуда родом мой отец и в этом районе в деревне живет моя бабушка. Конечно, меня немного смущала та черная слава, которая витала вокруг Тоцкого. Но еще неизвестно что творится в этом Звездном. Поэтому – «Товарищ полковник, разрешите выбрать Тоцкое!».

На улице, возле крыльца, заждавшийся мой дядя, получив ответ на свой вопрос куда, удовлетворенно кивнул, мол, ну это нормально – «Это дома, считай». На руках у меня уже был ВПД, документ, который мне следовало обменять при предъявлении паспорта в кассе железнодорожного вокзала на билет на поезд. Поезд Самара-Оренбург.

Пока мы не достигли совершеннолетия с братом и у нас не было автомобиля, я десятки раз ездил на этом поезде до станции Бузулук, откуда на автобусе добирался до деревни. На нем так же мы ездили к родным в Орск и Оренбург. Поэтому я хорошо знал, что время отправления от шести до семи вечера по самарскому времени. Время было обед. Я сказал дяде, чтоб отвез меня на вокзал и дальше отправлялся по своим делам. Я подожду на вокзале отправления.

По гороскопу я Весы, единственный бездушный знак среди всех других. И я часто замечал, что ничего не чувствую к всему тому, что вокруг происходит. Редко когда, что-то меня пробирало так, как та песня мамы и ее подруг. Так и на железнодорожном вокзале спокойно попрощавшись

с дядей с словами – «До скорого», я направился внутрь вокзала, там в кассе для военных я получил свой проездной билет до станции Тоцкое. Вот тут я почувствовал какое то одиночество. Я еду туда, где я никого не знаю. Мне еще предстояло знакомиться с тем миром, который скрывается под названием Тоцкое.

Прибытие

В Тоцкое я прибыл в третьем часу ночи местного времени. С мной вышло пару офицеров в полевой форме одежды, их встретил в такой же одежде их товарищ. Я еще тогда с завистью отметил, что они уже часть незнакомого мне мира и мир тот их встречает, а меня – нет. Они быстро покинули вокзал, прыгнув в «девятку» встречающего, и уехали. Оглянувшись вокруг, я увидел ту площадку перед вокзалом, с которой нас увозили на сборах в лагерь. В этот раз я увидел, что рядом с вокзалом стоит памятник советскому солдату. Серый солдат на фундаменте белого цвета. Свет фонаря с столба освещает только эту небольшую площадку перед зданием вокзала, все остальное в мгле. Вокруг тишина. И не скажешь, что где то рядом стоит войсковая дивизия. Рядом с памятником стояли пару машин таксистов. Поинтересовавшись стоимостью проезда, я впервые услышал такие расценки такси. К слову сказать, я так и не смог в дальнейшем привыкнуть к ценам местного таксопарка. Слишком дорогие. По-

считав, что свою первую зарплату получу еще не скоро, и ничего с мной не случится на вокзале, решил остаться в нем до утра.

Железнодорожный вокзал был точкой отсчета для многих солдат и офицеров, кроме того, вокзал был так же и последней точкой в их службе. Зайдя с такими мыслями в помещение вокзала, чтобы дождаться утра. Сидя на лавках, я представил какое количество дембелей отсюда уезжало домой и что они при этом чувствовали. Наверное, их счастью не было предела. Мне же утром еще только предстояло впервые прибыть в штаб дивизии и представив документы, смиренно принять ту войсковую часть где пройдет моя служба в течении двух лет. Эти два года так и вились у меня на уме – «Боже, как долго!».

Где то в семь часов утра мимо вокзала проходит первый Пазик с поселка Тоцкое в военный городок. Об этом мне сказал полковник в Самаре в штабе армии. Просидев до утра на лавках в вокзале и даже умудрившись немного вздремнуть, я по будильнику на сотовом встал, добрался до остановки и направился на подошедшем Пазу в городок.

Наступало утро, солнышко уже встало и хорошо освещало все вокруг. По дороге в окно, разглядывая озера или реки, подумал, что место для городка, наверное, специально выбрали такое труднодоступное. Везде озера и леса, на пути следования так же был мост через реку. Вдруг наш автобус сделал остановку. Выглянув в окно, я заметил КПП, какие то

бойницы и другие атрибуты армии. В автобус зашел солдат и начал что то рассматривать в салоне. Он смотрел на нас и как будто кого-то искал. Я обратил внимание на его форму. Все та же затертая форма, как и в то наше близкое знакомство с солдатами возле бани в времена сборов. Подсумок магазина, видавший виды. Все было морально устаревшим. Вот она наша не показная армия. Солдат вскоре покинул салон автобуса и мы отправились дальше.

Проехав еще немного, Пазик сделал остановку конечную. С автобуса я вышел последним. Что запомнилось с того момента. Это то, что я сразу отметил видавший виды асфальт. Он был везде. И везде он был в трещинах, с выпучинами, словно под ним произошло смещение титанических плит. Стоял я на том пятачке, куда автобус приходит, разворачивается, в него садятся люди, которые едут из городка в поселок, и снова уезжает. Пред мной стояло здание из серо-белого кирпича с табличкой «Общежитие 1». Правее него шла немного вверх дорога, именуемая в городке арбатом, бродвеем, кому как угодно. И все та же тишина, что и возле вокзала. Посмотрев налево, я увидел дорогу, вдоль леса. Эта дорога вела на полигон мимо бани и моей будущей части. Об всех этих моментах я узнаю позже. Сейчас же перед мной крыльцо общежития номер 1.

Заплатив консьержке сто рублей или что то около того, я попал в номер, где уже был обитатель. Вот это номер, подумал я. Я молодой офицер и дембель срочник. При чем,

мне надо оставить с ним в одном номере свои вещи и идти в штаб дивизии. Парень тот, был каким-то возбужденным, видно от радости. И, по-моему, еще с похмелья. Взяв с собой документы, деньги и паспорт, оставив на бога остальные вещи с этим дембелем, я направился в штаб дивизии.

Пройдя по своим документам КПП дивизии, дежурного и коридоры штаба я оказался в кабинете строевой части дивизии. Пред мной сидел за компьютером лейтенант, по годам чуть старше меня. Форма на нем была полевая, явно не застиранная и не выцветшая. Я увидел подшиву на воротнике его формы и с ужасом подумал, что мне тоже придется ее подшивать. Сомнений, что я буду носить именно такую форму, а не повседневную, у меня уже не было. Офицеры, которые мне везде попадались были в такой же одежде, что и этот лейтенант. Лейтенант быстро дал мне направление в в/ч 21617, документы для заселения в общежитие и какой то сухой наказ типа – «Не жалей солдат». С этим наказом или советом, я еще не раз столкнулся в дальнейшем. Попрощавшись, я быстро направился к своим вещам, которые дожидались меня с тем дембелем в номере общежития, что, в принципе, не могло не волновать мое сознание. К счастью, тот дембель все так же неистово носился по номеру от радости или еще от чего то и, судя по неизменившемуся положению моей сумки, она его не волновала.

Я попрощался с ним и направился к общежитию номер 3, которое станет моим домом на время службы. Общежи-

тие №3 меня приятно удивила своим новеньким ремонтом. Комнаты для офицеров делились на семейные и не для семейных. Те что для семейных были на втором этаже. Остальные офицеры располагались в зависимости от части, в которой служили. Офицеры танкового полка – на первом, офицеры в/ч 21617 – на третьем этаже. Меня подселили к офицеру-пиджаку, срок службы которого подходил к окончанию. Невзрачный такой парень, который постоянно читал и ел. С такими можно поговорить нормально зачастую в том случае, если он пьян.

Решив, что мое дело служить и другим в общежитии и, в принципе, в Тоцком заняться нечем, я поторопился в часть. Хотя, как я потом заметил, многие офицеры старались, после отметки о прибытии в штабе дивизии и заселения в общежитие, не торопиться на службу, а какое-то время провести в общежитии.

Сама часть оказалась мне знакома тем, что она находилась практически напротив бани, которую мы посещали на сборах. Я лишь заметил, что несмотря на крашенные бордюры, беленные срезанные тополя, чистые дороги все достаточно в плачевном состоянии. Армия давно нуждалась в реформах и вливании финансовых средств.

Зайдя в штаб полка, я направился в строевую часть. Там так же, как и в штабе дивизии за компьютером сидел худощавый лейтенат. Узнав, что я закончил военную кафедру, он связался с начальником артиллерии полка, п/п-ком Торти-

ковым, который в скором времени прибыл в кабинет строевой части и повел на представление командиру части, п-ку Захарченко.

Зайдя в кабинет командира, я представился таким образом: «Товарищ полковник, лейтенант Синяков для прохождения воинской службы прибыл». Именно так, как меня и инструктировал начальник артиллерии полка. Командир был мужчиной лет сорока пяти или больше с волевым подбородком, сконцентрированным взглядом. Кожа на лице, как и у всех военных натянута. От этого он выглядел еще старше. Такую особенность я в дальнейшем заметил у всех командиров. Кто-то был чуть старше меня, а по виду уже сороколетний мужчина. Армия никого не щадила. Все на эмоциях, а это откладывает свой отпечаток. П-к Захарченко, услышав, что я офицер – артиллерист, задал только один вопрос – «Бабу с собой привез?». На что я ответил, что холост. Командир серьезным таким тоном посоветовал – «Пусть тогда тот, у кого будешь принимать дела и должность сдает тебе так же и свою бабу». Такой вот типичный армейский юмор. «Есть, товарищ полковник. Разрешите идти» – что еще тут остается ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.